

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-747-762

Научная статья / Research article

Мусульманское духовенство vs. власть в современном Афганистане: взгляд из Узбекистана

А.А. Хайдаров

Ташкентский государственный университет востоковедения, Ташкент, Республика Узбекистан

Существенные геополитические перемены, происходящие в современном мире в последние десятилетия, заставляют по-новому взглянуть на роль ислама и духовенства в политических процессах ряда стран мусульманского мира. Особенно актуальной она выглядит в Афганистане, в котором более четырех десятилетий ведется война под лозунгами ислама. Целью данного исследования является анализ взаимоотношений государства и мусульманского духовенства, исламских институтов в ходе развития политических процессов в Афганистане с середины 1970-х гг. Автор акцентирует внимание на основных конфликтогенных причинах, обусловивших противостояние государства и влиятельной части мусульманского духовенства в Афганистане. Показано становление исламской оппозиции и ее противодействие нововведениям и реформам в ходе попыток модернизации сначала по советскому образцу (1978—1992 гг.), а затем усилий по демократизации афганского общества, предпринимаемых в Афганистане с конца 2001 г. при содействии международного сообщества. Работа строится на изучении фактического исторического материала, хроники событий последнего десятилетия и личных наблюдений автора в ходе работы в Афганистане в указанный период; использованы аналитические материалы, опубликованные на страницах английских и российских масс-медиа. Методологической основой выступает сравнительно-исторический метод; исследование базируется на принципах историзма, достоверности и научной объективности. Автор приходит к выводу, что в основе конфликтной ситуации лежат ошибки и недооценка государством роли и влияния мусульманского духовенства и исламских институтов страны. Отмечается, что недавно достигнутые американо-талибские договоренности, а также содействие таких влиятельных игроков, как Россия, вселяют надежду на запуск прямого межафганского переговорного процесса, который, по всей видимости, будет непростым и тернистым. Проведенный анализ также говорит о том, что успешность разрешения конфликтных ситуаций в странах, где традиционно сильно влияние ислама, во многом зависит от правильного выстраивания взаимоотношений с духовенством и нахождения взаимоприемлемого компромисса.

Ключевые слова: Афганистан, ислам, мусульманское духовенство, исламская оппозиция, суфийские ордены, моджахеды, «Талибан» (организация запрещена в РФ)

Для цитирования: Хайдаров А.А. Мусульманское духовенство vs. власть в современном Афганистане: взгляд из Узбекистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 747—762. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-747-762

© Хайдаров А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Muslim Clergy vs. Authority in Contemporary Afghanistan: View from Uzbekistan

A.A. Khaydarov

Tashkent State University of Oriental Studies, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Significant geopolitical changes taking place in the modern world in recent decades urge us to take a fresh look at the role of Islam and the clergy in the political processes of a number of countries of the Muslim world. This perspective is especially relevant vis-à-vis Afghanistan where a fierce war is being waged under the slogans of Islam for more than four decades. The purpose of this research is an in-depth study of the relationship between the state and the Muslim clergy, Islamic institutions in the development of political processes in Afghanistan since the mid-70s of the last century. The article reflects shaping of the Islamic opposition and its efforts to stand up to innovations and reforms during attempts of the Soviet style modernization in 1978—1992, and then the efforts to democratize Afghan society, undertaken in Afghanistan since the end of 2001 with the assistance of the international community. The work is based on the study of factual historical material, a chronicle of the events of the last decade and personal observations of the author during his work in Afghanistan during the mentioned period. Analytical materials published on the pages of English and Russian mass media were used. The methodological basis of this study is the comparative historical method; the article is based on the principles of historicism, reliability and scientific objectivity. The author concludes that the conflict is based on mistakes and underestimation by the state the role and influence of the Muslim clergy and Islamic institutions of the country. It has been noted that the recently reached US — Taliban agreements, as well as the assistance of such influential players as Russia, sparkle hope for the launch of a direct inter-Afghan negotiation process, which most likely will not be as simple but thorny.

Key words: Afghanistan, Islam, Muslim clergy, Islamic opposition, Sufi orders, mujahedeen, Taliban (forbidden in Russia)

For citation: Khaydarov, A.A. (2020). Muslim Clergy vs. Authority in Contemporary Afghanistan: View from Uzbekistan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (4), 747—762. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-747-762

Введение

Афганистан, где пересекаются интересы ведущих и региональных игроков, продолжает оставаться в центре внимания мирового сообщества. Современная ситуация в стране, несмотря на достигнутые 29 февраля 2020 г. американо-талибские¹ договоренности, остается напряженной, приковывая внимание прежде всего стран — соседей Афганистана. Ученые из Узбекистана и других стран Центральной Азии с самых различных перспектив изучали и изучают влияние афганского конфликта на ситуацию в регионе и продолжают рассматривать возможные варианты содействия соседней стране в рамках общих усилий мирового сообщества по восстановлению Афганистана. В первую очередь, следует назвать научные труды Ш. Кадырова [1998], В. Парамонова [2000], С.М. Акимбекова [2003], Т. Назарова, А. Саттарзоды [2006],

Г. Юлдашевой [Yuldasheva 2013], А. Смагулова [2013].

Центральноазиатские страны, граничащие с Афганистаном, и в частности Узбекистан, не скрывают своей заинтересованности в скорейшем запуске переговорного процесса между правительством Афганистана и движением «Талибан», руководство которого в основном состоит из влиятельных религиозных деятелей. В этой связи следует отметить, что значительное число политических партий, официально зарегистрированных и действующих в Афганистане, также возглавляются влиятельными духовными авторитетами, активно участвующими в политической жизни страны. Несомненно, религиозные деятели будут продолжать играть весомую роль в предстоящих межафганских переговорах и в будущих политических процессах этой страны.

Мусульманское духовенство на протяжении всей истории афганского государства

¹ Организация «Талибан» запрещена в РФ.

играло и продолжает играть исключительно важную роль в общественно-политической жизни общества, оказывая самое непосредственное влияние на формирование самосознания и поведение миллионов верующих в стране. Подавляющее большинство населения Афганистана составляют мусульмане (около 99,7%), при этом 85—90% — сунниты и 10—15% — шииты². В Афганистане также проживают небольшие общины исмаилитов (2% населения)³. Кроме того, в стране до сих пор существуют исламские ордены (тарикаты). Наиболее крупные из них — накшбандийя, кадирийя и чиштиийя, традиционно названные по имени основателей или крупных религиозных деятелей прошлого⁴.

В целом же ислам во многом определяет общественные отношения в умме и способствует ценностной ориентации ее членов в сложных политических процессах, служит источником легитимации и консолидации власти, а в отдельных случаях используется для достижения каких-либо целей теми или иными политическими силами. Так, еще в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в стране появились немногочисленные оппозиционные правительству исламские организации, в частности «Мусульманская молодежь» («Джаванан-е мусульман»), после распада которой в середине 1970-х гг. сформировались Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с Б. Раббани и Исламская партия Афганистана (ИПА), руководимая Г. Хекматияром [Слинкин 1999]. На начальном этапе своего становления обе партии выступали противниками республиканского режима М. Дауда. После апрельской революции 1978 г. и установления просоветского правительства в Кабуле эти партии начали быстро набирать

сторонников среди недовольной части населения и активно бороться с новой властью. Ныне обе партии являются наиболее влиятельными и активными участниками всех политических процессов современного Афганистана.

Политизация ислама и становление исламской оппозиции

События последней четверти истории Афганистана XX в., а именно апрельская революция 1978 г., совершенная Народно-демократической партией Афганистана (НДПА), и попытки новой власти модернизировать афганское общество, на начальном этапе реформ породили надежды среди населения крупных городов на позитивные изменения в стране. В тот период было построено значительное количество промышленных, энергетических, транспортных, образовательных и медицинских объектов. Однако вскоре начавшаяся внутривластная борьба в НДПА и ошибки, допущенные в процессе реформ, вызвали в целом негативную реакцию традиционного афганского общества, особенно ее наиболее влиятельной страты — мусульманского духовенства, подчеркнув особую роль ислама и служителей культа в общественно-политической жизни страны.

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и курс реформ, сопровождавшийся ограничением влияния религии в общественной жизни страны, изъятием вакуфных земель, а также репрессиями представителей духовенства лишь ускорили политизацию ислама, формирование исламистских оппозиционных партий и их вооруженных отрядов. Этот период истории Афганистана подробно описан в работе российского исследователя В.Н. Спольникова [1987].

Аналогичную оценку мы видим и в работах других российских исследователей, в частности А. Мартынкина и С. Хоменко, которые отмечали: «Репрессии проводились в отношении не только радикалов, но и высшего исламского духовенства умеренного толка, как суннитского, так и шиитского» [Мартынкин, Хоменко 2014: 146].

² Kallie Szczepanski. Afghanistan: Facts and History // ThoughtCo. October 18, 2019. URL: <https://www.thoughtco.com/afghanistan-facts-and-history-195107> (accessed: 19.08.2020).

³ Afghanistan: Treatment of Ismailis (1998—2000) // Refworld. July 18, 2000. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6ad4550.html> (accessed: 22.08.2020).

⁴ Афганистан. Религия и государство, роль религии в политике // Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom2/26.html> (дата обращения: 15.08.2020).

Один из бывших лидеров исламской оппозиции, руководитель Национального Фронта спасения Афганистана (НФСА) и первый президент страны после захвата моджахедами Кабула в апреле 1992 г. Себгатулла Моджаддеди в беседе с автором этих строк в ходе его поездки в Герат летом 2008 г., делаясь воспоминаниями о том времени, назвал цифру в более чем 200 репрессированных представителей своего клана и его последователей⁵.

Ошибки того периода и перекосы во внутренней политике просоветского режима Афганистана, обусловившие его падение в 1992 г. и приведшие к власти правительство моджахедов, наиболее объективно отражены в научных публикациях известных российских исследователей — свидетелей тех событий: М.Ф. Слинкина [1999: 82], В. Пластуна и В. Андрианова [1998]. К оценкам российских исследователей ситуации того времени, несмотря на известные расхождения, близка оценка американского исследователя Т. Барфилда, который отмечал, что «сопротивление политике НДПА в течение 18 месяцев разрослось настолько, что режим был на грани краха и был спасен только благодаря вторжению Советского Союза в декабре 1979 г.» [Barfield 2012].

Вскоре после ввода советских войск в Афганистан из числа наиболее крупных суннитских политических организаций на территории Пакистана был создан «Исламский союз моджахедов Афганистана», известный также как «Альянс семи». Примерно в это же время на территории Ирана лидерами различных исламских шиитских организаций Афганистана был сформирован военно-политический союз, известный как «Альянс восьми». Число этих партий к концу 1980-х гг. достигло чуть более двух десятков, и в основном они формировались на основе этнической и конфессиональной принадлежности. Объединяющей платформой для всех оппозиционных организаций стало неприятие нового режима и активная борьба со всеми нововведениями и реформами во имя сохранения

традиционных ценностей и защиты священной религии ислама.

Следует отметить, что руководящий состав всех оппозиционных организаций в основном был сформирован из числа влиятельных представителей духовенства, что явилось важным фактором в ходе противостояния исламской оппозиции и новой власти. Именно в то время произошло расслоение духовенства страны на три условные основные группы.

В первую, немногочисленную, вошли те, кто поддержал новую власть.

Во вторую группу, наиболее многочисленную, объединились представители духовенства, придерживавшиеся нейтральных позиций.

В третью вошли противники нового режима. Однако эту группу составили наиболее влиятельные лидеры суннитских и шиитских общин и руководители суфийских орденов. Среди них оказались уже упомянутый С. Моджаддеди, *мур* (учитель) ордена накшбандийя и основатель партии НФСА; С.А. Гиляни, *мур* тариката кадирийя и основатель партии Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА); Н. Мохаммади, один из влиятельных последователей ордена накшбандийя и основатель партии Движение исламской революции Афганистана (ДИРА). Позже за поддержкой двух первых упомянутых лидеров обращались Х. Карзай и А. Гани в ходе президентских выборов 2009 и 2014 гг. Число сторонников третьей группы постоянно росло по мере нарастания сопротивления, проходившего при активной внешней помощи и поддержке.

Наряду с мусульманским духовенством вожди племен и родоплеменные обычаи играли и продолжают играть существенную роль в жизни пуштунов, всегда стремившихся демонстрировать свою независимость даже от центральной власти. В этой связи трудно не согласиться с утверждением М.Ф. Слинкина о том, что «пуштуны, ревниво оберегая свою независимость, автономный статус и архаичный образ жизни, всегда считали и продолжают считать центральную власть враждебной себе силой» [Слинкин 2005].

⁵ Запись беседы с Себгатуллой Моджаддеди, 2008 г. Из личного архива автора.

В пуштунском социуме наряду с религией ислама важное место занимает афганский кодекс чести — *пахтунвали*, являющийся сводом норм, ценностей, обычаев и обрядов, аккумулировавший опыт предшествовавших поколений и регулирующий поведение членов общества как в повседневной жизни, так и в экстремальных ситуациях. Слияние двух факторов — религиозных и родоплеменных обычаев в повседневной жизни афганских (пуштунских) общин является своеобразным этнорелигиозным синкретизмом. Этот феномен является одним из основных элементов этнической, религиозной и культурной идентичности пуштунских племен. Этнорелигиозный синкретизм до сих пор проявляется в повседневной жизни и является естественной средой, опираясь на которую пуштунский социум находил решения в самых сложных периодах своей истории, а пуштуны оставались доминирующим этносом страны.

В апреле 1992 г., после 14-летнего пребывания у власти просоветского руководства страны, Кабул был взят моджахедами и главой государства стал лидер НФСА С. Моджаддеди, которого спустя два месяца сменил лидер ИОА, этнический таджик Б. Раббани. Однако победа моджахедов и формирование исламского правительства, возглавленного не пуштуном, не принесли долгожданного мира. Вооруженная борьба за власть на межэтнической и межконфессиональной основе, вспыхнувшая между моджахедскими группировками, усугубила обстановку нестабильности в Афганистане и вокруг него, подрывая основы самой власти.

Как справедливо отмечает российский востоковед В.Г. Коргун, «в условиях усилившейся борьбы различных военно-политических группировок в Афганистане нарастала фрагментация власти» [Коргун 2004]. Некогда казавшийся единым фронт моджахедских организаций распался. Страна превратилась в лоскутное государство, в котором каждый кусочек территории контролировался одной из моджахедских или криминальных группировок. Ислам и его ценности, служившие объединяющим фактором различных моджахедских организаций в их борьбе против

просоветского режима, были отодвинуты на второй план. Ислам перестал выполнять консолидирующую функцию.

«Шариат будет нашим законом»

Неспособность правительства моджахедов восстановить стабильность и безопасность в стране наряду с внешними факторами влияния, которые требуют отдельного рассмотрения, послужили одним из катализаторов появления в 1994 г. на политической арене страны Движения «Талибан». Ближайшими целями «Талибана» стали разоружение всех соперничающих ополченцев, борьба с теми, кто отказался разоружаться, обеспечение соблюдения исламского права и сохранение всех районов, захваченных талибами⁶. Исламская догматика вновь была востребована в качестве основного консолидирующего элемента в политике «Талибана». «Шариат будет нашим законом...» — отмечал на начальном этапе становления Движения один из видных представителей талибов, бывший посол администрации «Талибана» в Исламабаде мулла Абдул Салам Заиф [Zaeef 2010].

Уже осенью 1996 г. отряды талибов под флагом ислама захватили Кабул и провозгласили создание Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА). В период правления «Талибана» была отменена прежняя конституция 1987 г., были запрещены телевидение и Интернет. В крупных городах были разрушены немногочисленные кинотеатры и на их месте построены мечети. Представители «Талибана» позиционировали себя в качестве единственных праведных защитников ислама. Вместе с тем следует отметить, что борьба Движения, завершившаяся захватом власти в Кабуле и сопровождавшаяся искоренением неисламских элементов жизненного уклада афганского общества, на тот период еще не носила явной антизападной направленности.

Путем ввода жесткого правления на основе шариата с акцентом на возврат опыта

⁶ Brahimi A. The Taliban's Evolving Ideology // LSE Global Governance, July 2010. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/120220/WP022010_Brahimi.pdf (accessed: 19.08.2020).

раннего ислама времен пророка Мухаммада «Талибан» за короткое время сумел захватить управление большей частью территории страны. «В конце 1998 г., когда талибы установили контроль над 90 % Афганистана, они сделали попытку добиться международного признания» [Giustozzi 2008]. Большинство моджахедских организаций было выдворено из страны, за исключением формирований Северного альянса, оказавшего упорное сопротивление и контролировавшего менее 10 % территории страны⁷.

Гостеприимство было оказано только радикальным группировкам, разделявшим политические взгляды и практику Движения, к которым в первую очередь была отнесена «Аль-Каида»⁸. Талибов и организацию «Аль-Каида», как отмечают российские исследователи, поддерживали многие мусульманские экстремистские организации, в частности пакистанские «Джамаат-и улема-и ислам», «Джамиат-е ислами-йе Пакистан», «Сепах-е сахаба», «Харакатуль-моджахедин», «Джаиш-е Мухаммад», Исламское движение Узбекистана (ИДУ)⁹ и аналогичные организации из других стран, многочисленные благотворительные мусульманские фонды [Коргун 2004]. Фактически талибам путем жесткого подавления сопротивления политических противников удалось создать единое пространство для свободной деятельности ряда радикальных организаций, придерживавшихся принципов раннего ислама. Страна превратилась в убежище различных террористических организаций, что нашло отражение в резолюции ООН 2001 г., гласившей: «Положение в Афганистане представляет собой угрозу международному миру и безопасности в регионе»¹⁰.

⁷ Starr S.F. Afghan Northern Alliance makes a dangerous friend // The Baltimor Sun. October 17, 2001. URL: <https://www.baltimoresun.com/news/bs-xpm-2001-10-17-01110170115-story.html> (accessed: 19.08.2020).

⁸ Организация запрещена в РФ.

⁹ Организация запрещена в РФ.

¹⁰ Resolution 1363 (2001) // UNSCR. July 30, 2001. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/doc/1363> (accessed: 19.08.2020).

Новый виток противостояния

Ныне, по сведениям генерала Дж. Николсона, бывшего командующего американскими войсками и миссией «Решительная поддержка» в Афганистане, «из 98 террористических групп в мире 20 действуют в афгано-пакистанском регионе» [Dodwell, Rassler 2017]. Свержение режима «Талибана» в ходе антитеррористической операции в октябре-ноябре 2001 г. и формирование в 2002 г. нового переходного правительства при активном содействии мирового сообщества несколько стабилизировало ситуацию, однако, как оказалось, ненадолго. Главным фактором относительной стабильности явилось присутствие войск НАТО. Однако эйфория, порожденная успехами антитеррористической коалиции на начальном этапе, вскоре рассеялась, обнажив всю глубину «афганской проблемы».

Присутствие войск США и НАТО было однозначно расценено Движением «Талибан» как акт агрессии, и агрессорам был объявлен джихад. С этого времени деятельность Движения приобретает и антизападную направленность. Руководство «Талибана», выдворенное за пределы страны, сумело за короткое время мобилизовать своих полевых бойцов, перешедших на подпольное положение, рекрутировать новых сторонников в стране и перейти к активной партизанской войне против правительства. Исламская догматика вновь была использована в качестве консолидирующей основы для наращивания сопротивления «иностранный агрессии» и свержения «марионеточного правительства» в Кабуле. Уже к концу 2002 г. возобновилась активность талибов в отдельных приграничных провинциях, а в 2005 г. эта активность отмечалась практически во всех регионах страны.

Апелляция к чувствам верующих во имя защиты священной религии ислама и борьбы с агрессорами, подкрепляемая хорошим финансовым содержанием рядовых бойцов, получавших денежное вознаграждение намного большее, чем солдаты правительственных войск, способствовала притоку новобранцев и определенной поддержке местных общин, особенно в сельской местности.

Одним из основных факторов, содействовавших постоянной подпитке отрядов «Талибана», как представляется, явился широкий религиозный призыв (*да'ава*) движения к местным общинам через мечети и медресе, особенно в районах, где власть не контролировала ситуацию. Известный французский исследователь О. Руа назвал такой религиозный призыв «инструментом движения к власти» [Roy 1994]. Здесь следует отметить, что на протяжении всей почти трехсотлетней истории Афганистана религиозная мотивация всегда служила объединяющей платформой для всех этнических групп и племен страны. Как представляется, и моджахеды 1980-х — начала 1990-х гг., и чуть позже «Талибан», обращаясь к историческому опыту, достаточно эффективно использовали лозунги «защиты священной религии ислама» и «борьбы с неверными». Религиозная мотивация, несомненно, в обоих случаях сыграла определенную роль в противостоянии правительствам, которые не уделяли адекватного внимания мусульманскому духовенству и информационной составляющей в своей внутренней политике.

Призыв или информационная работа Движения проводились как в устной форме, так и в виде листовок, а также магнитофонных записей, распространявшихся в городах и сельской местности. Активно функционировал и продолжает действовать веб-сайт «Талибана». Непосредственное проведение информационной работы осуществлялось через сторонников талибов и поддерживающих их представителей местного духовенства.

В районах, контролируемых «Талибаном», а в отдельных случаях и в районах под контролем правительства функционировали «теневые» губернаторы и шариатские суды. Решения этих талибских структур в спорных вопросах не отнимали много времени в отличие от неповоротливой государственной судебной системы и способствовали росту недоверия среди населения к местным органам власти. Оперативность и мобильность талибских теневых структур власти, действовавших параллельно государственным органам власти на местах, хорошо освещены в работах

Ф. Вейганда [Weigand 2017], а также известного исследователя движения «Талибан» А. Густоцци [Giustozzi 2012], неоднократно посетившего Афганистан в 2009—2016 гг.

Зачастую информационная работа «Талибана» сопровождалась тактикой устрашения и открытого физического устранения несогласных. Как отмечалось в отчете Государственного департамента США о международной религиозной свободе в Афганистане за 2018 г., «“Талибан” продолжал убивать или призывать к убийству суннитских духовных лиц за проповеди, противоречащие их интерпретации ислама»¹¹. За прошедшие годы были убиты многие служители культа, поддерживавшие правительство Афганистана, расширена зона контроля «Талибана». Так, «в 2016 и 2017 гг. Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА) продолжала документировать последовательную картину убийств, похищений, угроз и запугивания религиозных деятелей, главным образом антиправительственными элементами. С 1 января 2016 г. МООНСА зарегистрировала 27 случаев целенаправленных убийств религиозных деятелей со стороны антиправительственных элементов, в результате которых пострадал 51 мирный житель (28 убитых и 23 раненых), большинство из инцидентов имели место в 2017 г. и в основном приписываются талибам»¹².

В целом к весне 2019 г. под контролем правительства, по оценкам американских источников, находилась территория, где проживало около 63,5 % населения страны¹³. То есть «Талибан» контролировал менее

¹¹ Afghanistan 2018 International Religious Freedom Report // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/AFGHANISTAN-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 17.08.2020).

¹² Protection of civilians in armed conflict: attacks against places of worship, religious leaders and worshippers // UNAMA Human Rights Service. November 7, 2017. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/unama_report_on_attacks_against_places_of_worship_7nov2017_0.pdf (accessed: 17.08.2020).

¹³ Zucchino D. U.S. Military Stops Counting How Much of Afghanistan Is Controlled by Taliban // The New York Times. May 1, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/01/world/asia/us-afghanistan-territory-taliban.html> (accessed: 18.08.2020).

половины территории страны. Российские данные несколько отличаются от американских и говорят о 50 % территории страны, контролируемой «Талибаном»¹⁴. В любом случае, как отмечается в публикации Института мира Соединенных Штатов за 19 ноября 2019 г., «“Талибан” теперь контролирует больше территории в Афганистане, чем когда-либо с 2001 г.» [Jackson, Amiri 2019].

Очевидно, что расширение зоны контроля «Талибана» было бы невозможно без определенной поддержки местных общин и племен страны. Об этом говорит и американский исследователь С.Г. Джонс: «“Талибан” имел существенную сеть поддержки среди племен гильзаев, а также среди таких племен дуррани, как нурзай, алоказай и исхакзай» [Jones 2008]. Эти племена представлены практически во всех регионах страны, но более плотно проживают в восточных, юго-восточных и южных провинциях Афганистана.

Справедливости ради следует отметить, что в антиправительственных боевых действиях также участвуют и другие террористические организации, в том числе ИГИЛ¹⁵, «Аль-Каида» и так называемое Исламское движение Узбекистана, чьи позиции были заметно ослаблены после операций правительственных и американских войск за последние два года. До примирения с правительством в 2016 г. ИПА во главе с Г. Хекматияром также была одним из серьезных противников Кабула. Однако основным противником правительства в настоящее время все еще остается «Талибан». Все вышеотмеченные оппозиционные группировки в той или иной степени оказывали и продолжают оказывать влияние на внутривнутриполитическую стабильность и формирование политических настроений и предпочтений местных общин.

Появление в начале 2015 г. в Афганистане ИГИЛ с его экстремистской идеологией при нынешней слабости правительства также

оказывало негативное воздействие на ситуацию в стране и ставило духовенство страны перед сложным выбором: принять сторону «Талибана» или ИГИЛ или же остаться на стороне правительства. Учитывая, что ИГИЛ не имеет крепких корней в афганском обществе и в его рядах имеются выходцы не афганского происхождения, которые всегда воспринимались местными жителями с большой долей настороженности, маловероятно, что ИГИЛ получит осязаемую поддержку духовенства. Его основная масса будет оставаться условно разделенной на три сегмента, один из которых будет в той или иной степени выступать за «Талибан», второй — ориентироваться на правительство, а третий — сохранять выжидательную, нейтральную позицию.

Говоря о правительственных структурах, чья деятельность непосредственно связана с регулированием отношений в сфере религии, в первую очередь следует назвать Министерство хаджа и по делам религий (МХДР) и Национальный совет улемов (НСУ) Афганистана, которые имеют отделения во всех 34 провинциях страны.

В 2010 г. кандагарским провинциальным отделением НСУ при поддержке регионального офиса МООНСА в Кандагаре была проведена первая региональная конференция улемов с участием около 600 представителей пяти южных провинций страны. На ней было принято обращение с призывом прекращения войны и восстановления мира в стране, которое было распространено через доступную часть сети мечетей в южных провинциях страны и опубликовано в прессе. Конференция получила широкий резонанс в стране, однако этот первый опыт не был в должной степени оценен и использован в дальнейшей внутренней политике правительства. Руководство страны, по всей видимости, все еще надеялось на силовое решение конфликта, так как именно в 2010 г. численность американских солдат увеличилась почти до 100 000 чел., в то время как общая численность иностранных войск в Афганистане составляла 150 000 чел.¹⁶

¹⁴ Волков К. МИД РФ: Талибы контролируют около половины Афганистана // Российская газета. 11.02.2019. URL: <https://rg.ru/2019/02/11/mid-rf-taliby-kontroliruiut-okolo-pолоviny-afganistana.html> (дата обращения: 19.08.2020).

¹⁵ Организация запрещена в РФ.

¹⁶ Chughtai A., Qazi Sh. From the 2001 fall of the Taliban to 2020 Afghan peace talks // Aljazeera.

Кроме правительственной сети НСУ в отдельных провинциях страны существуют и независимые советы улемов, которые стремятся дистанцироваться как от «Талибана», так и от правительственных структур. Одной из таких независимых организаций является «Фонд исламского призыва улемов Афганистана» во главе с моулави Сайфулдином Тохари. Фонд объединяет около 200 в основном дариязычных улемов трех северных провинций Афганистана (Тохара, Бадахшана и частично Кундуза)¹⁷. Влияние таких независимых советов улемов в целом не выходит за рамки провинций, где они проживают. Тем не менее по их инициативе и при содействии центрального офиса МООНСА в 2015—2016 гг. в Кабуле и Кундузе были проведены *джирги* (советы) улемов в поддержку политики национального примирения. Однако эта работа не носила систематического характера и слабо поддерживалась правительственными структурами.

Касаясь вопроса количества действующих мечетей в стране, следует отметить, что, по оценочным данным, в Афганистане насчитывается более 180 тыс. мечетей, из которых только 70 тыс. зарегистрировано в МХДР и лишь 3700 мечетей находятся на финансовом содержании государства¹⁸. Последняя цифра говорит о небольшом количестве мечетей, которые условно поддерживают правительство, хотя на практике почти все мечети стремятся подчеркнуть свою независимость от органов власти и тем самым уйти от прямого давления радикальных группировок.

Важным в нынешней ситуации является и вопрос исламского обучения, которое ведется во всех публичных школах страны, а также в многочисленных медресе. По состоянию на март 2011 г., «в афганском Министерстве образования было зарегистрировано около 700 правительственных медресе. Однако большинство медресе страны являются

частными школами, которые не зарегистрированы правительством или какой-либо частной структурой. Цифры остаются неопределенными, но количество незарегистрированных медресе, скорее всего, исчисляется тысячами» [Tariq, Borchgrevink, Harpviken 2011]. К настоящему времени, как представляется, количество частных медресе возросло.

На практике почти все дети с четырех-пяти лет начинают посещать мечети, сопровождая своих родителей, и приобщаются к учебе в медресе при мечетях. Как правило, все крупные и значительная часть средних мечетей имеют медресе, где преподавание ведется муллами.

В медресе на подконтрольных «Талибану» территориях долгие годы велась целенаправленная антиправительственная информационная работа, а во многих уездах девочкам запрещалось обучение в публичных школах.

На сегодняшний день ответственность за преподавание религиозных дисциплин в публичных (светских) школах наряду с Министерством образования Афганистана несет и МХДР. Однако многолетняя война в Афганистане наложила свой отпечаток и на эту сферу, а именно — привела к разрушению большого количества публичных школ в стране и ограничила возможности государства по их финансированию и содержанию. По информации Всемирного банка за октябрь 2016 г., «только около половины всех зарегистрированных школ имеют надлежащие здания, в то время как остальные работают в палатках, домах и под деревьями»¹⁹. По этой причине дети школьного возраста, особенно в сельской местности, многие годы были лишены возможности посещать школы и в основном получали начальное образование в медресе или мечетях. По оценкам ЮНИСЕФ, в Афганистане 3,7 млн детей не посещают школу, причем 60 % из них — девочки²⁰.

September 12, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/09/12/from-the-2001-fall-of-the-taliban-to-2020-afghan-peace-talks/> (accessed: 13.09.2020).

¹⁷ Беседа с моулави Сайфулдином Тохари, 2016 г. Из личного архива.

¹⁸ Беседа с Мохаммадом Юсуфом Ниязи, министром по делам религий, 2015 г. Из личного архива.

¹⁹ Afghanistan Country Snapshot // The World Bank Group, October 2016. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/584381476781571691/pdf/109246-WP-AfghanistanCountrySnapshots-highres-PUBLIC.pdf> (accessed: 20.08.2020).

²⁰ Education: Providing Quality Education for All // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/afghanistan/education> (accessed: 20.08.2020).

В этой связи необходимо привести оценку исследователя из Оксфордского университета А. Брахими, которая справедливо отмечала, что «с исходом интеллектуальной элиты за последние 20 лет и ограничением светского образования, которое ранее было доступно для большинства городских общин, исламское образование в медресе, или религиозных школах, и местных мечетях стало основным источником образования в стране и в большинстве лагерей беженцев»²¹. Такое образование, на наш взгляд, несомненно, накладывало свой отпечаток на формирующееся мировоззрение подрастающего поколения афганцев.

Тем не менее справедливости ради следует отметить, что ситуация в сфере школьного образования в настоящее время крайне медленно, но меняется в лучшую сторону. Международные доноры оказывают существенную поддержку посредством проектов в сфере образования через соответствующие правительственные структуры.

Важно и то, что в Афганистане до недавнего времени не было медресе, имеющих статус высшего религиозного заведения. Поэтому подавляющее большинство молодых афганцев, стремившихся получить высшее религиозное образование, выезжают в основном в Пакистан и Иран и реже — в арабские страны. Получившие образование в Пакистане возвращаются на родину с уже устоявшимся мировосприятием, которое отражает ценности и взгляды религиозной школы деобанди, которая доминирует в большинстве медресе Пакистана. Деобандизм имеет глубокие корни в Южной и Юго-Западной Азии и известен как одно из жестких течений внутри ислама. Многие деятели и сторонники «Талибана» являются выпускниками таких медресе.

В начальный период президентства Х. Карзая правительство, опасаясь такого влияния, сократило количество мечетей и медресе, получавших финансовую поддержку государства. Вместе с тем в апреле 2007 г.

правительство начало создавать собственные медресе, чтобы сократить количество афганских детей, обучающихся в медресе за рубежом. 14 «высших медресе» (так называемых «дар уль-улум») были основаны в 2007 г. и восемь — в 2008 г.²² Планировалось открыть новые медресе в каждой из 34 провинций страны, однако отсутствие финансирования замедлило этот процесс. Одним из таких медресе было медресе Дар уль-улуми Гиесия, открытое в Герате известным в стране богословом моулави М. Худойдодоми, сторонником Х. Карзая, который также поддержал строительство образовательного учреждения. Тем не менее большинство *улемов* (авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама) являются выпускниками медресе Пакистана и Ирана, рейтинг которых намного выше афганских.

Что касается общего числа мусульманского духовенства в Афганистане, то, по разным оценкам, оно насчитывает приблизительно 200—250 тыс. служителей культа. В ранее упомянутом отчете Госдепартамента США приводится цифра в 120 тыс. мулл, зарегистрированных Министерством хаджа и по делам религий, и приблизительно 160 тыс. мечетей, из которых 66 тыс. зарегистрированы тем же министерством²³.

На наш взгляд, обе цифры являются заниженными. Даже если в стране действует 160 тыс. мечетей, значит, численность мулл должна как минимум быть равной количеству мечетей и превышать цифру в 120 тыс. мулл, приводимую в отчете Госдепартамента. Обычно в больших и средних мечетях работают как минимум два-три служителя культа: имам-хатиб, его заместитель или помощник и муэдзин. К тому же, цифра, озвученная афганским министерством, по всей видимости, отражала количество мечетей только на

²² 2009 Report on International Religious Freedom — Afghanistan // Refworld. October 26, 2009. URL: <https://www.refworld.org/docid/4ae8616357.html> (accessed: 22.08.2020.)

²³ Afghanistan 2018 International Religious Freedom Report // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/AFGHANISTAN-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 15.08.2020.)

²¹ Brahimi A. The Taliban's Evolving Ideology // LSE Global Governance. July 2010. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/120220/WP022010_Brahimi.pdf (accessed: 20.08.2020.)

подконтрольных правительству территориях. Более того, следует отметить, что в стране нет деревень, где бы не было мечети и муллы (имама).

Учитывая все это, количество служителей культа должно быть близким к 350—400 тыс., что превышает численность всех вооруженных сил страны, которая на середину 2019 г. насчитывала более 272 тыс. человек²⁴. По сути, это огромное число служителей культа, щедро «рассыпанных» по всей стране, представляет собой разрозненную, но наиболее влиятельную страту афганского общества, активные сегменты которой ориентированы на определенные политические силы страны. Мусульманское духовенство является инструментом «мягкой силы», воздействующей и формирующей сознание людей и их политические предпочтения.

Безусловно, влияние ислама и мусульманского духовенства в обществе и политической жизни Афганистана учитывалось как прежним просоветским правительством, так и властью, утвердившейся после 2001 г. В период правления просоветского правительства руководство страны в ходе исправления допущенных в начальный период после апрельской революции 1978 г. ошибок прилагало усилия по привлечению духовенства на свою сторону и в этой связи стремилось увеличить количество мечетей, финансируемых государством. В вооруженных силах даже был создан институт мулл, главной обязанностью которых было поддержание высокого морального духа военнослужащих, который отвечал бы целям и задачам просоветского правительства.

С приходом к власти в стране правительства Х. Карзая количество мечетей, находящихся на содержании МХДР, как уже отмечалось, резко сократилось. Институт мулл в вооруженных силах был сохранен, но реорганизован. В настоящее время в армии и полиции, начиная с батальонного звена, работают муллы, и ныне их задача заключается в

обеспечении лояльности военнослужащих законно избранному правительству страны. Несмотря на это, до недавнего времени в вооруженных силах сохранялся высокий процент дезертирства и перехода на сторону талибов. Абдул Джаббар Кахраман, бывший военный представитель правительства А. Гани в провинции Гильменд (до 2016 г.), говоря о причинах дезертирства и перехода на сторону противника, указывает на слабую информационную работу в армии, высокую коррумпированность военных структур и вытекающее отсюда слабое доверие правительству среди военнослужащих²⁵.

В целом, отвечая на вопрос о том, что в большей степени препятствовало поддержке духовенством и населением правительства в их противостоянии талибам, можно выделить следующие основные факторы:

- ставка правительства в основном на силовые методы достижения превосходства над «Талибаном»;
- ограниченные возможности правительства для обеспечения безопасности на всей территории страны;
- низкий уровень системы образования Афганистана;
- потенциал исламских институтов страны не был использован в должной мере для содействия усилиям правительства по прекращению войны и национальному примирению;
- ограниченные возможности правительства для создания рабочих мест и улучшения жизненного уровня населения;
- высокий уровень безработицы;
- коррупция, разрушающая систему управления.

Слабость правительства была использована вооруженной оппозицией, которая смогла организовать в целом устойчивую информационную работу с местными общинами. Мечети и медресе в их зоне контроля и отчасти на территории, контролируемой правительством, фактически превратились в центры по распространению их взглядов. Талибы

²⁴ Quarterly Report to the United States Congress // Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. July 30, 2019. URL: <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2019-07-30qr.pdf> (accessed: 20.08.2020).

²⁵ Беседа с Абдул Джаббар Кахраманом, 2016 г. Из личного архива.

также смогли обеспечить более высокое финансовое содержание своих бойцов. Неплохо была организована и материально-техническая поддержка и военное снаряжение (что является свидетельством внешней поддержки).

В ожидании перемен

К началу 2009 г. стало прорисовываться понимание бесперспективности военных действий и того, что «Талибан» и поддерживающие его группы населения являются частью афганского общества, без интегрирования которых невозможно достичь долгожданного мира, стабильности и восстановления страны.

К концу президентского срока взгляды Х. Карзая на будущее Афганистана и его отношение к «Талибану» претерпели трансформацию в сторону поиска компромисса с Движением. В стране все чаще стали открываться частные медресе, среди которых в Кабуле было открыто и медресе муллы А.С. Заифа, бывшего посла «Талибана» в Пакистане. В столице проживает и бывший министр иностранных дел администрации талибов моулави Вакиль Ахмад Мутаваккиль.

Определенные подвижки произошли и в лагере «Талибана». За короткий период 2013—2015 гг. произошла смена руководства Движения, которое начало проявлять заинтересованность в переговорном процессе. В 2013 г. в Катаре был открыт офис «Талибана», и Доха стала местом контактов и переговоров с Движением. В 2016 г. в афганской и зарубежной прессе прошло сообщение о том, что талибы привержены защите «национальных проектов», таких как трубопровод Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ) и энергетический проект в Центральной Азии и Южной Азии (CASA-1000)²⁶. Однако в то время заявление было встречено с определенной долей скептицизма.

Несмотря на это, руководство «Талибан» продолжает использовать ислам в качестве консолидирующей основы для укрепления

своих позиций в будущем межафганском процессе, используя упущения правительства в сфере религии и других областях социально-экономической жизни афганского общества.

К концу 2009 г. ключевые игроки на афганском поле, в частности США, Россия и Китай, а также региональные игроки начали осторожный поиск путей разрешения многолетнего конфликта. В 2011 г. США приняли решение о выводе своих войск из Афганистана.

В 2014—2017 гг. при содействии различных зарубежных стран за пределами Афганистана были проведены встречи, на которых происходили контакты представителей талибов и афганской стороны. Так, в июле 2015 г. в Пакистане прошла первая встреча представителей «Талибана» и афганского правительства в присутствии наблюдателей США и Китая. К 2017 г. США существенно сократили численность своих войск в Афганистане, а в 2018 г. начались интенсивные контакты и переговоры с «Талибаном». К январю 2020 г. США смогли провести серию переговоров в Дохе, а в феврале 2020 г. — подписать мирное соглашение с талибами после 19 лет противостояния.

Россия в тот же период смогла организовать несколько успешных встреч в Москве между представителями «Талибана» и неправительственной делегацией Афганистана, представлявшей влиятельные политические силы и общественные круги страны. Москва продемонстрировала готовность оказывать дальнейшее содействие продвижению прямого межафганского диалога. Однако эти усилия России не нашли полного понимания нынешнего президента страны А. Гани. Тем не менее прошедшие встречи позволили и руководству «Талибана», и представителям влиятельных политических кругов Афганистана лучше и глубже понять позиции друг друга. Это, несомненно, будет способствовать будущим переговорам Движения с правительственной делегацией Афганистана, в которую вошли и влиятельные фигуры, участвовавшие в московских встречах.

Понимание необходимости перемен и стабилизации ситуации не только в Афганистане, но и в обширном макрорегионе

²⁶ Putz C. Taliban Pledge to Protect Infrastructure Projects // The Diplomat. December 01, 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/12/taliban-pledge-to-protect-infrastructure-projects/> (accessed: 20.08.2020).

Центральной и Южной Азии, и поиска мер, способных содействовать прямому межафганскому диалогу, лежит и в основе нынешних подходов нового руководства Республики Узбекистан в афганском вопросе. За последние два года Ташкент смог не только значительно поднять уровень своих отношений с правительством Афганистана, но и наладить контакты с Движением «Талибан», которое остается влиятельной политической силой, поддерживаемой частью духовенства и населения страны.

Государства Центральной Азии, чья стабильность и экономическое развитие испытывают влияние кризисной ситуации в Афганистане, заинтересованы в прекращении более чем сорокалетней войны. Прочная стабилизация обстановки в Афганистане откроет дополнительные возможности странам региона для расширения торгово-экономических и гуманитарных связей, позволит реализовать ряд энергетических и транспортных проектов, которые будут содействовать экономическому подъему Центральной и Южной Азии и способствовать укреплению мира и стабильности в одном из крупнейших макрорегионов Евразии.

Результаты встреч в Катаре и других государствах отслеживались религиозными лидерами конфликтующих сторон, что способствовало пониманию общей картины меняющейся ситуации в Афганистане и выстраиванию дальнейших отношений с центральной властью и основными политическими силами страны.

Несомненно, ислам и духовенство сыграли важную роль в становлении и эволюции Движения «Талибан», догматика ислама была использована руководством Движения для консолидации своих сторонников в противостоянии с правительством Афганистана. Вовлечение в процесс противостояния с правительством части влиятельного духовенства и пуштунских племен страны позволило добиться некоторых успехов в этом противостоянии. Тем не менее медленная эволюция взглядов «Талибана» по отношению к переговорному процессу говорит о его понимании бесперспективности прежних бескомпромиссных подходов.

Правительство, больше опираясь на силовые методы решения конфликта при поддержке войск международной коалиции, не смогло в должной степени использовать консолидирующий и миротворческий потенциал исламских институтов и поддержку части духовенства, стремящейся к компромиссным решениям конфликта. Вместе с тем ислам и мусульманское духовенство при всей его разобщенности будут оставаться важным фактором в сближении позиций конфликтующих сторон по вопросам будущего развития страны и прекращения боевых действий.

Несмотря на сохраняющуюся хрупкость, нестабильность нынешней военно-политической обстановки в Афганистане и существенные упущения во внутренней политике правительства, особенно в религиозной сфере, недавно достигнутые американо-талибские договоренности вселяют надежду на начало прямого межафганского переговорного процесса, официальное открытие которого состоялось 12 сентября 2020 г. Однако замена главы делегации «Талибана» Шер Аббаса Мохаммада Станикзая на представителя «Сети Хаккани» шейха аль-хадис моулави Абдул Хакима Хаккани²⁷ за несколько дней до начала переговоров говорит о том, что переговорный процесс будет непростым и тернистым. По всей видимости, одним из отдаленных результатов переговорного процесса может стать увеличение доли ислама в общественно-политической жизни страны и усиление влияния духовенства в афганском обществе при сохранении светской системы государственной власти.

Заключение

Попытки модернизации афганского общества по советскому образцу и борьба с оппозицией с позиции силы не принесли ожидаемых результатов и привели к усилению роли ислама и его политизации в традиционном афганском обществе, катализирова-

²⁷ Серенко А. «Сеть Хаккани» перехватывает контроль над межафганскими переговорами // Независимая газета. 06.09.2020. URL: https://www.ng.ru/world/2020-09-06/100_200906talib.html (дата обращения: 07.09.2020.)

ли процессы становления и активизации различных исламистских оппозиционных организаций, ныне именуемых в общественно-политической литературе моджахедскими. Правительство, созданное этими организациями после падения режима Наджибуллы, не смогло восстановить стабильность, тем самым открыв дорогу к гражданской войне на межэтнической и межконфессиональной основе и последующему противостоянию с Движением «Талибан». Практически все партии и организации, созданные в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века, продолжают играть существенную роль в современных политических процессах страны.

Администрация «Талибана» (1996—2001 гг.), пришедшая на смену правительства моджахедов, усугубила ситуацию в стране. Главным направлением во внутренней политике Движения стали усилия по «укреплению устоев ислама» и возврату к его первоначальным истокам времен пророка Мухаммада. Афганистан превратился в прибежище различных террористических организаций, стал представлять угрозу для международного мира и безопасности и оказался в фактической изоляции в мире.

Меры по реформированию Афганистана после событий 11 сентября 2001 г. при поддержке мирового сообщества, где ключевую роль играли западные страны, с опорой на превосходство вооруженных сил международной коалиции над силами «Талибана» не принесли быстрых изменений в жизнь афганского общества и победу над Движением. Многолетние боевые действия против талибов продолжали раскалывать страну по политическим, этническим и конфессиональным признакам. Определенные изменения в сторону поиска компромиссных решений произошли и в самом Движении «Талибан».

Усилия международного сообщества по содействию развитию и расширению демократических ценностей в Афганистане, предпринимаемые с начала 2002 г., только начинают давать свои первые всходы, натал-

киваясь на упорное сопротивление оппозиции и сторонников традиционных ценностей. Традиционное афганское общество оказалось трудно реформируемым. Религиозная составляющая традиционных ценностей афганцев продолжает играть важную роль в афганском обществе, и любые попытки ее ущемления или принижения будут наталкиваться на самое мощное сопротивление и ставить под вопрос легитимность государственной власти. Подтверждением этого является опыт Афганистана конца 1970-х и 1980-х гг.

Борьба с «Талибаном», ведущаяся уже около 20 лет, пока не принесла нынешней власти ожидаемую победу. Духовенство страны, втянутое в это противостояние, не является гомогенным и так же, как и все афганское общество, испытывает разобщенность по этническому и конфессиональному признаку. Тем не менее оно остается влиятельной стратой, способной в случае консолидации оказывать существенное воздействие на развитие политических процессов, включая запуск межафганского переговорного процесса с последующим поиском компромиссных решений по национальному примирению и переходу на мирные рельсы.

В целом исламские институты и служители культа продолжают оставаться важным, но гетерогенным сегментом политической системы и афганского общества, сохраняя привилегированное положение, несколько подорванное многолетней гражданской войной. Недавний уход из жизни таких знаковых фигур, как Б. Раббани, С. Моджаддеди и С.А. Гиляни, игравших существенную роль в политической жизни Афганистана на протяжении последних 50 лет, несомненно, будет оказывать влияние на дальнейшее развитие взаимоотношений между государством и религией. Также это будет сказываться на взаимодействии государства с политическими партиями и суфийскими орденами, бразды правления которыми перешли в руки молодых наследников этих авторитетных лидеров.

Поступила в редакцию / Received: 15.09.2020
Принята к публикации / Accepted: 11.10.2020

Библиографический список

- Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы: Б.и., 2003.
- Кадыров Ш. Туркменистан в XX веке. Bergen: Bodoni Hus, 1998.
- Коргун В.Г. История Афганистана: XX век. М.: Крафт+, 2004.
- Мартынкин А., Хоменко С. Роль ислама во внутриафганском конфликте в последней четверти XX — начале XXI веков // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. Вып. 4. С. 144—155.
- Назаров Т., Сатторзода А. Дипломатия муосири точик [Современная таджикская дипломатия]. Душанбе: Ирфон, 2006. (На таджикском языке).
- Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии — внешние факторы // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1. С. 14—21.
- Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М.: Биографический Институт, 1998.
- Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти (1978—1979 гг.). Симферополь: Симферопольский государственный университет, 1999.
- Слинкин М.Ф. Этническая проблема в Афганистане (историко-политический анализ) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 46—60.
- Смагулов А. Экспертная оценка влияния афганского противостояния на политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии. Бишкек: Университет Центральной Азии, 2013.
- Спольников В.Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987.
- Barfield T.J. Shari'a in Afghanistan // *Review of Faith and International Affairs*. 2012. Vol. 10. Iss. 4. P. 42—52. DOI: 10.1080/15570274.2012.739886
- Dodwell B., Rassler D. A View from the CT Foxhole: General John W. Nicholson, Commander, Resolute Support and U.S. Forces — Afghanistan // *Combating Terrorism Center at West Point*. 2017. Vol. 10. Iss. 2. P. 12—16.
- Giustozzi A. Afghanistan: Transition without End: An Analytical Narrative on State-Making. London: LSE Development Studies Institute, 2008.
- Giustozzi A. Hearts, Minds, and the Barrel of a Gun: The Taliban's Shadow Government // *Prism*. 2012. Vol. 3. Iss. 2. P. 71—80.
- Jackson A., Amiri R. *Insurgent Bureaucracy: How the Taliban Makes Policy*. Washington: United States Institute of Peace, 2019.
- Jones S.G. *Counterinsurgency in Afghanistan*. Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute, 2008.
- Roy O. *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press, 1994.
- Tariq M.O., Borchgrevink K., Harpviken K. *Building Trust and Institutions. Religious Institution-Building in Afghanistan: An Exploration*. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2011.
- Weigand F. Afghanistan's Taliban — Legitimate Jihadists or Coercive Extremists? // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2017. Vol. 11. Iss. 3. P. 359—381. DOI: 10.1080/17502977.2017.1353755
- Yuldasheva G. The Iranian-Pakistani Factor in the Geopolitics of Central and South Asia // *Central Asia and the Caucasus*. 2013. Vol. 15. Iss. 2. P. 32—41.
- Zaeef A.S. *My Life with the Taliban*. London: C. Hurst & Co, 2010.

References

- Akimbekov, S.M. (2003). *Afghan Knot and Security Problems in Central Asia*. Almaty. (In Russian).
- Barfield, T.J. (2012). Shari'a in Afghanistan. *Review of Faith and International Affairs*, 10 (4), 42—52. DOI: 10.1080/15570274.2012.739886
- Dodwell, B. & Rassler, D.A. (2017). View from the CT Foxhole: General John W. Nicholson, Commander, Resolute Support and U.S. Forces — Afghanistan. *Combating Terrorism Center at West Point*, 10 (2), 12—16.
- Giustozzi, A. (2008). *Afghanistan: Transition without End: An Analytical Narrative on State-Making*. London: LSE Development Studies Institute.
- Giustozzi, A. (2012). Hearts, Minds, and the Barrel of a Gun: The Taliban's Shadow Government. *Prism*, 3 (2), 71—80.
- Jackson, A. & Amiri, R. (2019). *Insurgent Bureaucracy: How the Taliban Makes Policy*. Washington: United States Institute of Peace.
- Jones, S.G. (2008). *Counterinsurgency in Afghanistan*. Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute.
- Kadyrov, Sh. (1998). *Turkmenistan in the 21st Century*. Bergen: Bodoni Hus. (In Russian).

- Korgun, V.G. (2004). *History of Afghanistan: 20th Century*. Moscow: Kraft + publ. (In Russian).
- Martynkin, A. & Khomenko, S. (2014). Islam in the Afghan Conflict: Last Quarter of the Twentieth — Early Twenty-First Centuries. *Central Asia and the Caucasus*, 17 (4), 144—155. (In Russian).
- Nazarov, T. & Sattorzoda, A. (2006). *Diplomatiyai muosiri tochik [Modern Tajik Diplomacy]*. Dushanbe: Irfon. (In Tajik).
- Paramonov, V. (2000). Formation of the Geopolitical Situation in Central Asia — External Factors. *Central Asia and the Caucasus*, 1, 14—21. (In Russian).
- Plastun, V. & Andrianov, V. (1998). *Najibulla. Afghanistan in the Grip of Geopolitics*. Moscow: Biograficheskiy Institut publ. (In Russian).
- Roy, O. (1994). *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press.
- Slinkin, M.F. (1999). *People's Democratic Party of Afghanistan in Power (1978—1979)*. Simferopol: Simferopol'skii gosudarstvennyi universitet publ. (In Russian).
- Slinkin, M.F. (2005). Ethnic Problem in Afghanistan (Historical and Political Analysis). *Culture of the Peoples of the Black Sea Region*, 66, 46—60. (In Russian).
- Smagulov, A. (2013). *Expert Review of the Impact of the Afghan Confrontation on the Political and Economic Situation in Central Asia*. Bishkek: Universitet Tsentral'noi Azii publ. (In Russian).
- Spolnikov, V.N. (1987). *Afghanistan: Islamic Counter-Revolution*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Tariq, M.O., Borchgrevink, K. & Harpviken, K. (2011). *Building Trust and Institutions. Religious Institution-Building in Afghanistan: An Exploration*. Oslo: Peace Research Institute Oslo.
- Weigand, F. (2017). Afghanistan's Taliban — Legitimate Jihadists or Coercive Extremists? *Journal of Intervention and Statebuilding*, 11 (3), 359—381. DOI: 17502977.2017.1353755
- Yuldasheva, G. (2013). The Iranian-Pakistani Factor in the Geopolitics of Central and South Asia. *Central Asia and the Caucasus*, 15 (2), 32—41.
- Zaeef, A.S. (2010). *My Life with the Taliban*. London: C. Hurst & Co.

Сведения об авторе: Хайдаров Абдусамат Ахатович — доктор политических наук, профессор Ташкентского государственного университета востоковедения (e-mail: akhat54@gmail.com).

About the author: Khaydarov Abdusamat Akhatovich — PhD, Dr. of Sc. (Political Science), Professor, Tashkent State University of Oriental Studies (e-mail: akhat54@gmail.com).